

25. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 8729.
26. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 50.
27. НГАБ. – Ф. 1071. Воп. 1. Спр. 1.
28. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 54.
29. НГАБ. – Ф. 1043. Воп. 1. Спр. 3.
30. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 3. Спр. 1051.
31. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 4. Спр. 14234.
32. «Nad Świsłoczą»: kalendarz miński informacyjny na rok 1914 / pod red. W. Dworzaczka. – Wilno: Znicz, 1914. – 130 s.
33. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 79–216.
34. *Jałowiecki, M.* U Edwarda Woyniłłowicza / M. Jałowiecki // *Wiadomości*. – Londyn, 1958. – № 18. – S. 2.

(Дата падачы: 21.02.2024 г.)

D. O. Rubisov

Белорусский государственный университет;
Национальный исторический архив Беларуси, Минск

D. Rubisov

Belarusian State University; National Historical Archives of Belarus, Minsk

УДК 94(474/476):27

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ
И КАТОЛИЧЕСКОЙ КОНФЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XV В.:
РОЛЬ СОБОРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ К УНИИ**

**THE RELATIONSHIP BETWEEN ORTHODOX
AND CATHOLIC CONFESSIONS IN THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA IN THE 15TH CENTURY:
THE ROLE OF THE CATHEDRAL MOVEMENT
IN RELATION TO THE UNIA**

В статье уделяется внимание взаимоотношениям Киевской митрополии с римской курией, влиянию общеевропейских церковных и политических проблем на взаимоотношения христианских конфессий в Великом княжестве Литовском в XV в., общеевропейских вопросов церковного объединения на политику монархов Великого княжества Литовского в отношении церковной унии, отношению Католической церкви на территории княжества к проблеме церковного объединения на фоне концилиаристского (соборного) движения в Католической церкви.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Киевская митрополия; церковная уния; Ягеллоны; духовная иерархия Великого Княжества Литовского; соборное движение; Православная церковь; церковная история; Ферраро-Флорентийский собор; великий князь литовский.

The article pays attention to the relations between the Kiev Metropolitanate and the Roman Curia, the influence of pan-European ecclesiastical and political problems on the relations of Christian confessions in the Grand Duchy of Lithuania in the XV century. The problem of pan-European issues of church unification on the policy of the monarchs of the Grand Duchy of Lithuania in relation to the church union, the attitude of the Catholic Church in the territory of the principality to the problem of church unification against the background of the clerical (council) movement in the Catholic Church is considered.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Kyiv Metropolitanate; Church Unia; Jagiellonians; spiritual hierarchy of the Grand Duchy of Lithuania; cathedral movement; Orthodox Church; church history; Council of Florence; Grand Duke of Lithuania.

В 1414–1418 гг. католический церковный собор, проходивший в городе Констанц, положил конец кризису института папства в Католической церкви, проявившегося в одновременном существовании в Западной Европе в конце XIV – начале XV в. трех враждующих за первенство понтификов. Однако одновременно, как указывает в своей работе «Рим. Константинополь. Москва: Исторические и богословские исследования» И. Мейендорф, Констанцкий собор сделал вполне реальным проектом реформ вопрос соборного ограничения папской власти. Продолжением принятых на соборе в Констанце постановлений, превращавших сам собор в постоянный действующий орган, собирающийся без предварительного созыва его понтификом, а также ограничивающих пап, поставив институт соборов на первое место в решениях вопросов реформ и вероучения, стал Базельский собор, собранный в 1431 г. [4].

Собранию высших церковных иерархов в Базеле не удалось развить идеи соборного управления церковью, что, более того, стало началом нового церковного кризиса в Западной Европе, разделившего церковных иерархов и в некотором смысле светских монархов на сторонников папы Евгения IV и приверженцев соборного движения (движения «концилиаризма» от латинского «*concilium*» – собор). Отдельным аспектом в истории противостояния двух враждующих сил стала политика каждой из сторон в отношении унии с восточно-христианскими церквями, окончившейся победой папской стороны на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1442 гг.), действующем параллельно с Базельским (1431–1449 гг.).

Стоит отметить, что уникальность региона Великого княжества Литовского нашла свое отражение в наличии на этих землях обеих проблем общецерковной истории первой половины XV в., как проблемы заключения и распространения церковной унии между западно- и восточно-христианскими церквями, так и влияния соборного движения в Католической церкви, что делает актуальным изучение данной темы. Более того, особое внимание в данном контексте приобретают отношения сторонников Базельского собора с представителями папской власти, проявившиеся в конфликте между киевским православным митрополитом Исидором и виленским католическим епископом Матеем из Трок в 1441 г. в Вильно.

Анализ проблематики конфликта соборного движения и Флорентийской унии на территории Великого княжества Литовского достаточно широко представлен в российской историографии начиная с XIX в. до настоящего времени. В частности, данный вопрос поднимается в контексте общецерковной истории с позиций высших церковных иерархов в работах Е. Е. Голубинского, М. С. Грушевского, а также более широко в работах Б. Н. Флори. Однако больший интерес представляет проблематика отношения великокняжеской и польской высшей церковной иерархии, а также монархов Королевства Польского и Великого княжества Литовского в отношении соборного движения и Ферраро-флорентийской унии. Некоторые аспекты данной проблематики поднимались в трудах А. Левицкого (A. Lewicki), О. Халецкого (O. Halecki), Т. Граффа (T. Graff), А. В. Любого.

Стоит отметить, что проблематика конфликта виленского бискуп Матея и киевского митрополита Исидора, еще в дореволюционной российской историографии XIX в. рассматривалась больше как конфликт представителя соборного движения с папским легатом. Однако позже Б. Н. Флоря отмечал, что для официальных документов периода конца XIV – первой половины XV в., выходящих в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, характерна определенная терминология, когда православных именовали «схизматиками», а их храмы «синагогами» и противопоставлялись католическим «христианам», «крещеным». Кроме того, для перехода из Православия в Католичество церковные иерархи западно-христианской церкви требовали повторного крещения в Великом княжестве Литовском, в то время как сама римская курия, как правило, признавала законность этого обряда в Православии. В связи с этим исследователь отмечал, что причину непринятия Флорентийской унии великокняжеской католической иерархией в 1440 г. стоит связывать не только с проблемой концилиаристского движения в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском, но и с проблемой непризнания греческого обряда, который по заключению церковной унии во Флоренции 1439 г. должен был сохраняться [6].

Однако данный конфликт возможно рассмотреть не только в контексте «неприязни» великокняжеской католической церковной иерархии крещения восточного обряда, но в контексте проблематики общецерковной истории, сравнения политики церковной иерархии Польского королевства и монархов в отношении как унии, так и соборного движения.

Стоит отметить, что после смерти митрополита Фотия в 1431 г., а также митрополита литовского Герасима в 1435 г. общим митрополитом для Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского, стал митрополит Исидор, поставленный константинопольским патриархом. В 1439 г. во Флоренции он подписал акт церковной унии не только как представитель своей кафедры, но и как «заместитель апостольского престола святейшего Патриарха Антиохийского», поставил свою подпись с одним из первых после константинопольского императора и добавил к своей подписи два слова, подчеркивавших его искреннее согласие [8; с. 49].

Таким образом, Киевская митрополия, в лице предстоящего во главе ее митрополита Исидора, стала одной из участниц флорентийской церковной унии. Как отмечает О. Халецкий, участие «русских» земель в состоявшемся во Флоренции событии подчеркивало и то, что свою подпись в акте унии поставил, находящийся в делегации киевского митрополита епископ Суздальский Авраам, несмотря на оказанное на него давление со стороны Исидора, который 18 декабря 1439 г. был возведен в сан кардинала Католической церкви вместе с архиепископом Никейским Виссарионом [8].

Обратный путь из Рима в Москву митрополита Исидора был проложен через земли Королевства Польского и Великого княжества Литовского, где ему предстояло встретиться и с некоторыми сторонниками Базельского собора среди представителей католической иерархией. По мнению О. Халецкого, киевскому митрополиту не был известен в полной мере тот факт, что польская католическая иерархия и богословы Краковского университета выступали в поддержку собора в Базеле [8; s. 57]. Однако и сама позиция польских иерархов не была однозначно категоричной в отношении флорентийской унии и папы. Выступить решительно против папы Евгения IV польским сторонникам концилиаризма мешал вопрос принятия Владиславом III короны Венгрии. Как отмечает Т. Графф, и сам Владислав III колебался в выборе между поддержкой папы или Базельского собора, поскольку и та и другая сторона тянули с признанием его нового титула венгерского короля. В связи с этим на поместном синоде католической церкви в гнезненской митрополии в Ленчице (Łęczusa), который проходил 8 мая 1441 г. и который больше можно считать про-базельски настроенным, официально было объявлено о нейтралитете польских церковных иерархов, которые ориентировались на подобные постановления, принятые в соседних государствах, как католический синод 1439 г. в Майнце, а также на синоды, проходившие ранее во Франкфурте и Бурже [7].

В 1440 г. митрополит Исидор встретился с бискупом краковским Збигневом Олесницким, который, по мнению О. Халецкого, в принципе приветствовал Базельский собор, но не был против заключения унии Восточной и Западной Церквей, как сам Базельский собор [8; s. 57]. Вместе с тем Олесницкий, вероятно, не мог одобрить Флорентийскую унию как свидетельство политических достижений Евгения IV, однако вскоре после своего прибытия, 25 марта 1440 г., Исидору было разрешено отслужить мессу по восточному обряду в Кракове. Позже митрополит Киевский продолжил свое путешествие из столицы Польши в ее восточные земли, в Русское воеводство, где он должен был впервые встретиться со своей паствой.

Следующим католическим иерархом, с которым митрополиту Исидору пришлось встретиться после Збигнева Олесницкого, стал бискуп Иоанн во Львове. В 1375 г. Львов стал центром новой католической епархии, а кроме того, как отмечает О. Халецкий, этот город стал центром и Галичской митрополии вместо самого Галича, подчинявшейся в период заключения флорентийской унии митрополиту Исидору [8; s. 59]. Летом 1440 г. папский

легат, митрополит Исидор, прибыл во Львов. Как отмечает Т. Графф, бискуп львовского Иоанна в этот момент стоит относить наоборот к сторонникам папы Евгения IV [7; s. 295]. Вместе с тем О. Халецкий отмечает, что архиепископ львовский симпатизировал Базельскому собору, но принял сторону папы под влиянием Исидора, в результате переговоров, получив разрешение провозгласить Флорентийскую унию в местном кафедральном соборе [8; s. 59].

Однако именно отпор со стороны про-базельски настроенной католической иерархии митрополит Исидор встретил в Вильно со стороны епископа Матея из Трок, который был хорошо осведомлен о действиях папы Евгения IV, поскольку еще в 1439 г. иерархи Базельского собора направили виленскому епископу послание, где подчеркивали законность собора в Базеле, а также отмечали, что церковь может ждать разорения и бедствия, если собор не буде контролировать действия пап. В частности, в послании епископу Матею от 27 сентября 1439 г. говорилось, что неконтролируемый папа, если захочет, может даже изменить веру, что повлечет за собой осуждение всей Вселенской Церкви. Как раз, в этом отношении, примером является поведение Габриэля, извергнутого из сана папы Евгения IV, пошедшего на союз с греками во Флоренции: «*Nec ipsam devocionem tuam ac aliorum quorumcunque a prosecucione prefate iusticie et veritatis retrahant cautele supradicti Gabrielis, qui sub umbra untonis et reductionis Grecorum sua facta cooperire' conatur et reformacionem evitare atque hanc sanctam synodum et decreta eius prosternere. Satis enim potest cognoscere universus orbis, quibus artibus Grecos ipsos ad se traxit et impedit, ne cum hac sancta synodo convenirent, sicut fuerat cum eis concordatum magnumque scisma in orbe posuit, ut ipsos ad se traheret, mittens oratores et galeas in Constantinopolim in contrarium illorum, qui mittebantur ex parte huius sancte synodi et de facto aliud pretensum concilium in Ferraria erigens, ubi ipsa reductio Grecorum cum unione et bona pace Ecclesie nostre fieri poterat, si ipse non talia obiecisset impedimenta*» [9; s. 177–178].

Как отмечает Т. Графф, возможно киевский митрополит предполагал, что в вопросах распространения церковной унии он мог рассчитывать на поддержку со стороны виленского епископа Матея, поскольку последний интересовался вопросами церковного союза. Единственным, что в действительности могло стать препятствием в развитии добрых отношений с католическим иерархом, так это только практический вопрос о церковной десятине, которую ранее православные выплачивали епископу Вильни, а также вопрос о необходимости повторного крещения [7; s. 289].

Однако прибывшему в 1440 г. посланнику папы Евгения IV кардиналу Исидору в Вильню католический епископ запретил проводить какие-либо богослужения на территории своей епархии и провозглашать акт заключения флорентийской унии. О непризнании епископом Матеем папы Евгения IV, его инициативы в форме флорентийской церковной унии, а также противостоянии деятельности митрополита Исидора говорят и сведения с заседания Базельского собора. В частности, 9 мая 1442 г. на соборе

в Базеле были зачитаны письма от епископа Матфея и великого князя Казимира, в которых говорилось, что виленский епископ признает законным только собор в Базеле: «Parte vero dicti episcopi Mathiae retulit, quod Ysidorus, abbas unus ex tribus primis oratoribus Grecorum nominatus sessione XIX, factus postea archiepiscopus, iam pretendens se cardinalem et legatum Gabriellis, ingressus dyocesim suam requisierat, permetteretur uti legatione sua, ut reassumeretur ritus ecclesie Grece cum iam erat unita Latina affirmans eiusmodi unionem in concilio Florentino factam extitisse. Sed episcopus, qui famosus in theologia magister erat, illi respondisset nunquam sciuisse aliud concilium quam Basiliense, et quod sibi de hac re nichil notificauerat. Ideo, donec illud consultaret, nichil facere posset, maxime, quia iam ipse olim Eugenius, cuius se didicebat legatum fuerat per concilium condemnatus» [7; s. 289–290].

Возможно отметить, что, вероятно, виленский епископ не был противником самого объединения Православия с Католичеством, но видел заключение церковной унии не с папой Евгением IV, а в рамках Базельского Собора. По мнению Стефана Кучиньского (Stefan Maria Kuczyński) одним из посредников переговоров князя Свидригайло и митрополита Герасима с Базельским собором мог являться епископ Матей [10; 11].

Сразу после встречи киевского митрополита с епископом Матеем, первый отбыл в Москву, где его ждала не менее неприятная встреча с великим князем Василием Васильевичем, скорое осуждение и заточение. В то же время вопрос соборного движения на территории Великого Княжества Литовского нашел свое продолжение в первой половине 1440-х гг. Как отмечает К. Левицкий, на поместном католическом соборе 1442 г. виленский епископ еще раз объявил о своем отрицательном отношении к митрополиту Исидору, подчеркнув, что запретил легату, осужденного Гавриила (Евгения IV) проводить какие-либо действия в подчиненной ему епархии [11].

Переломным же моментом в истории соборного движения в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском стало объявление после смерти Владислава III королем Польши его брата, великого князя литовского Казимира. Важно отметить, что изначально великого князя самого можно было отнести к сторонникам соборного движения. Кроме того, в среде самой польской католической иерархии продолжали развиваться идеи концилиаризма, несмотря на то, что в 1444 г. Владислав III уже окончательно стал позиционировать себя как последователя папы Евгения IV. Стоит отметить, что позиция церковных иерархов в этом отношении не менялась в связи с отсутствием монарха Владислава Варненчика в стране [7].

Взойдя на престол в 1447 г., новый король Польши Казимир Ягеллончик, хотя, как отмечалось выше, с 1442 г. был официальным сторонником собора в Базеле, достаточно скоро, в первый год своего правления, решил признать законным главой Католической Церкви папу Николая V, ставшего новым понтификом после скончавшегося Евгения IV, что возможно оценить как весьма своевременное решение, поскольку уже к 1449 г. собор, собранный в Базеле, был вынужден капитулировать. Вероятно, вслед за Казимиром

Ягелончиком признать Николая V законным главой церкви был вынужден и виленский епископ Матей.

О признании виленским католическим епископом папой Николая V, в частности, свидетельствует и продолжение конфликта с митрополитом Исидором, которому ранее удалось бежать из заточения в Москве и добраться до Рима. Вероятнее всего, именно в конце 1440-х гг. кардинал Исидор начал судебное разбирательство против епископа Матея, обвиняя его в провале Флорентийской унии на территории земель Великого княжества Литовского, а также в подстрекательстве православных князей против церковного обвинения.

На основе проанализированных источников и исследований, можно сделать некоторые выводы относительно проблематики соборного движения и флорентийской унии на территории Великого княжества Литовского первой половины XV в. Конфликт виленского епископа Матея из Трок, сторонника соборного движения в Католической церкви и противника папы Евгения VI, и киевского митрополита Исидора, принявшего в 1439 г. церковную унию во Флоренции и получившего от папы новые титулы и привилегии, невозможно не рассматривать в контексте общецерковной, но и локальной восточноевропейской истории. Сравнивая взаимоотношения церковной иерархии и монарха Королевства Польского и их отношения к проблеме соборного/униатского вопроса, стоит отметить ориентации политики церковной иерархии на политики монарха, заставивших сторонников Базельского собора принять сторону нейтралитета. В этом отношении действия виленского епископа продиктованы не только его приверженностью к соборному движению, проинформированностью о извержении папы Евгения IV из сана, но и ориентацией на собственного монарха, не имеющего в отличие от короля польского до 1447 г. прямой заинтересованности поддерживать папский престол, позволили епископу Матею из Трок проводить самостоятельную политику в отношении церковной унии.

Список использованных источников

1. *Голубинский, Е. Е.* История Русской Церкви. Том 2. Часть 2: Период второй. Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно / Е. Е. Голубинский – М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. университете. – 1911. – 624 с.
2. *Грушевський, М. С.* Історія України-Руси. Том V. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в Українсько-руських землях XIV–XVII в. / М. С. Грушевський – Київ: Наукова думка, 1991 – 704 с.
3. *Любы, А. У.* Улада і канфесіі на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ў перыяд падрыхтоўкі і заключэння Фларэнтыйскай уніі / А. У. Любы // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2008. – Вып. 6, ч. 1. – С. 193–202.
4. *Мейендорф, И.* Рим. Константинополь. Москва: Исторические и богословские исследования / И. Мейендорф – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 320 с.

5. Флоря, Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря – М.: ЦНЦ Православная Энциклопедия, 2007. – 436 с.

6. Флоря, Б. Н. Привилей короля Владислава III Православной Церкви на территории Польского Королевства / Б. Н. Флоря // Роль церкви в истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, Москва, 15–16 июня 1993 г. / Институт славяноведения и балканистики РАН. – М., 1993 – С. 32–42.

7. Graff, T. Episkopat monarchii jagiellońskiej w dobie soborów powszechnych XV wieku / T. Graff – Kraków: Towarzystwa Naukowego ‘Societas Vistulana’, 2008 – 368 s.

8. Halecki, O. From Florence to Brest (1439–1596) / O. Halecki – Rome, 1958. – 444 s.

9. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskie T. 1., zeszyt 1 (1387–1468) / wydali ks. Jan Fijałek i Władysław Semkowicz. – Kraków: Komisja Historyczna Polskiej Akademii Umiejętności, 1932. – 290 s.

10. Kuczyński, S. M. Maciej z Trok / S. M. Kuczyński // Polski słownik biograficzny. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd-wo PAN, 1974 – T. 19. – S. 10–12.

11. Lewicki, A. Unia florencka w Polsce / A. Lewicki – Krakow: Nakładem Akademii Umiejętności, 1899. – 70 s.

(Дата подачи: 23.02.2024 г.)

Т. И. Рыжко

Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла, Белорусский государственный университет, Минск

T. Ryzhko

Saints Methodius and Cyril Institute of Theology, Belarusian State University, Minsk

УДК 271.22(470+571)(476)-662.3:613.81

БОРЬБА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА С ПЬЯНСТВОМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE STRUGGLE OF THE ORTHODOX CLERGY AGAINST DRUNKENNESS IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE MIDDLE OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

В статье рассматриваются виды деятельности, которые предпринимались православным духовенством для борьбы с пьянством на белорусских землях в середине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: православное духовенство; пьянство; общества трезвости.

The article examines some types of activities that were used by the Orthodox clergy to struggle of against drunkenness in the Belarusian lands at the end of the XIX – early XX century.

Keywords: orthodox clergy; drunkenness; society of sobriety.